фразеологической связанности в их употреблении или закрепленности той или другой формы для обозначения тех или иных ситуаций. Ср.: *И* ***как ни*** **тягостны были** *вести с фронта,* ***а*** *люди немножко* **приободрились** – *дождались-таки новины* (Ф. Абрамов. Пряслины). – *И какие ни тягостные были вести с фронта, а люди немножко приободрились – дождались-таки новины*.

Однако при такой трансформации наблюдается стилистическое различие между двумя формами прилагательных: краткие формы, обозначая степень интенсивности предикативного признака, придают высказыванию более эмоциональный, категоричный характер, в то время как для полной формы характерен оттенок смягченного выражения. Ср. следующие примеры, в которых представлены формы кратких и полных прилагательных: ***Как*** *смерть моя* ***ни*** **зла,** ***Все*** **легче,** *чем терпеть обиды от осла* (И. Крылов. Лев состарившийся); *Аверьяна Гавриловича пронзала жалость к этому несчастному парню.* ***Какой*** *он* ***ни*** **тупой**, ***но*** *ведь* **человек,** *зачем же коверкать, уродовать ему всю жизнь?* (Н. Дубов. Колесо Фортуны.)

Думается, что в конструкциях обобщенно-уступительного типа формы кратких прилагательных выбираются не столько для выражения временного свойства, сколько для передачи в сочетании с местоименным наречием *как* семантики степени интенсивности признака, т. е. выполняют стилистическую функцию, передавая эмоционально-экспрессивный характер всего высказывания в целом. Такой вывод не противоречит общему прагматическому отличию конструкций обобщенно-уступительного типа от собственно уступительных, которое заключается в их превышающей условную норму выразительности, эмоциональности, экспрессивности.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления.

Таким образом, в высказываниях обобщенно-уступительного типа, предикатом придаточной части которых являются имена прилагательные, наиболее употребительны формы кратких прилагательных в сочетании с местоименным наречием *как* и частицей *ни*. Существующие в языке различия между краткими и полными формами прилагательных прослеживаются и в проанализированных высказываниях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плотникова, Е.В. Аспектуально-темпоральная семантика высказываний обобщенно-уступительного типа в современном русском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.В. Плотникова. – Казань, 2012. – 24 с.

2. Плотникова, Е.В. Высказывания обобщенно-уступительного типа в современном русском языке : монография / Е.В. Плотникова. – Чебоксары : филиал СПбГЭУ в г. Чебоксары, 2014. – 180 с.

3. Оркина, Л. Н. Синтаксические структуры с семантикой обусловленности в современном русском языке / Л. Н. Оркина : учеб. пособие для магистров-филологов. – СПб. : САГА, 2010. – 332 с.

4. Шведова, Н. Ю. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском литературном языке / Н. Ю. Шведова // Учен. зап. МГУ. Вып. 150. – М., 1952.

5. Русская грамматика : в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – 783 с.

6. Гиро-Вебер, М. Бисинхронный метод описания прилагательного в предикативной позиции в современном русском языке / М. Гиро-Вебер // Теория функциональной грамматики : Качественность. Количественность. – СПб. : Наука, 1996. – С. 65–78.

ON THE SEMANTICS OF THE STATEMENTS OF GENERALIZED CONCESSIVE TYPE WITH FORMS OF ADJECTIVES IN THE SUBORDINATE CLAUSE

© 2014

E.V. Plotnikova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Humanities and Social and Legal Disciplines

Branch of St.Petersburg State University of Economics, Cheboksary (Russia)

Annotation: Structures the clauses of which are expressed by forms of adjectives stand out among the sayings of generalized concessive type. The article analyzes the conditions of use of short and full forms of adjectives as a predicate dependent part of the statement.

Keywords: generalized statements of generalized concessive type, adjective in short form, full form of an adjective.

УДК 811.161.2’35+821.161.2-6.08

СЕМАНТИКА МНОГОТОЧИЯ И ВОСКЛИЦАТЕЛЬНОГО ЗНАКА В ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ ЛЕСИ УКРАИНКИ

© 2014

Н.С. Приходько, старший лаборант кафедры «Истории и культуры украинского языка»

Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки, Луцк (Украина)

Аннотация: В статье определены особенности использования многоточия и восклицательного знака в общеязыковых контекстах и в письмах Леси Украинки, установлены индивидуально-авторские черты этих пунктуационных знаков; проанализированы типичные контексты их функционирования.

Ключевые слова: эпистолярий, письмо, многоточие, восклицательный знак, эпистолярный текст, Леся Украинка.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Эпистолярный жанр, или жанр частной переписки, как утверждают лингвисты, зарожден в XVIII в. В этот период он сформирован в хронологическом, территориальном, частично даже – в социальном аспектах. Письмо – спонтанное проявление мыслей и чувств – приобрел самостоятельную жизнь, стал самоценным документом эпохи, человеческой духовной деятельности.

Каждое письмо представляет собой единство композиционной, лексико-семантической и грамматической организации. Важный элемент эпистолярного текста – пунктуационные знаки, посредством которых адресант выражает свои эмоции, чувства, придает тексту индивидуальную семантико-стилистическую окраску.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы. В последнее время появился ряд исследований особенностей эпистолярного жанра, среди которых наиболее известны литературоведческие труды: М. Коцюбинской (стилистика, полифункциональность писем украинских писателей) [1], В. Кузьменко (особенности эпистолярной традиции 20–50 г. XX в.) [2], Г. Мазохи (жанрово-стилевые модификации украинского писательского эпистолярия второй половины XX в.) [3], а также лингвистические: О. Братанич (лингвостилистика эпистолярной ком-

муникации Г. Кочура) [4], Э. Ветрова (речевой этикет частной переписки украинских писателей XIX в.) [5], Н. Каленовой (проблемы и перспективы исследования частного письма в лингвистике) [6] и т. д. Однако пунктуационная система эпистолярного текста не изучена совсем. Этим и мотивирован выбор темы нашего исследования.

Формирование целей статьи (постановка задания). Задание нашей статьи – изучить семантику пунктуационных знаков, а именно: восклицательного знака и многоточия, которые могут использоваться в ситуациях, соотнесенных с общеязыковыми правописными нормами, так и в качестве авторских пунктуационных знаков.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Появлению авторских пунктуационных знаков могут предшествовать прежде всего различные экстралингвальные факторы, наиболее важным среди которых является эмоциональное состояние адресантки. Такие знаки препинания указывают прежде всего на: 1) *оценку* (собственного состояния, своего поведения, предпочтений, событий, людей, черт характера); 2) *эмоции*; 3) *этикетную ситуацию* (благодарность); 4) *выделения важной информации в тексте или значимости композиционных частей письма*.

Предмет нашего исследования – семантическое наполнение восклицательного знака и многоточия. Эти знаки пунктуации визуально в основном идентифицируют эмоциональные паузы или имплицируют иронические контексты. Как известно, восклицательный знак в общеязыковом контексте чаще всего употребляется: 1) в конце восклицательного предложения; 2) в конце восклицательных номинативных предложений; 3) при обращении; 4) после междометий; 5) в скобках в средине цитаты или после нее для выражения изумления, призыва, сильного чувства, волнения автора. Многоточие используют для: 1) обозначения незаконченности высказывания; 2) обозначения заминок или перерывов в речи от волнения; 3) обозначения в цитате пропущенной части цитируемого текста. Их объединяет, прежде всего, функциональный статус: посредством и восклицательного знака, и многоточия дифференцируются определенные эмоции и чувства, структурируется главная и второстепенная информация.

Рассмотрим, как актуализированы эти знаки в эпистолярных текстах Леси Украинки. Установлено, что *многоточие* обозначает в этих текстах в основном незаконченную мысль (*«Отримала я ноти Левицького і карточку Френкеля, рада була і тому, і другому. Ноти справді гарні, і, здається, Старицький справді дуже дотепно говорить про Лисенка і Бетховена. Принаймні Левицький не тим винен, що він не Бетховен, а тим, що написав музику на слова Шевченка... Я, врешті, завжди вірила в переказ про Моцарта і Сальері»* (до О. Косач (матері), 1 травня 1898 р., Ялта) [7, 48]), эмоциональное волнение адресантки (*«Як тільки з початком зими Сергій Костянтинович поправиться (я таки маю на се надію), ми з ним рушимо! Я рада б з ним бути тепер, але се ніяк не можливо, мій раптовий приїзд його злякає, та ще й його родичі стали між нами, будь вони...»* (до О. П. Косач (сестри), 26 листопада 1900 р., Київ) [11, 193]), изменение темы общения (*«Ви порівнюєте мене навіть з ангелом, але, дорога пані, щоб Ви знали, тому ангелові приступна часом така ненависть, яка запевне скинула б його з неба, коли б навіть він туди дістався якимсь чудом. Не така сторона наша російська (ба й австрійська!) Україна, щоб виховувати ангелів... Однак я, властиве, не про се хотіла говорити)»* (до О. Кобилянської, 20 травня 1899 р., Берлін) [7, 109–110]), молчание («*Що ж робити, коли Dame Nature* (Пані-природа (франц.). – Ред.) *не дала мені нічого, окрім пера в руки, а рукам не дала навіть стільки сили, щоб завжди твердо тримати перо, та й сказала: «Пиши»... Люди теж кажуть мені: «Пиши», але ж се тільки слово, а в діло переводити його маю таки я, ну, яка я, таке й моє діло»* (до О. Кобилянської, 21 липня, 4 серпня 1899 р., Гадяч) [11, 132]).

В письмах Леси Украинки многоточие имплицирует как положительные, так и отрицательные эмоции. В частности, паузы подчеркивают чаще всего такие положительные эмоции: *благодарность*, *восхищение*, *восторг*, *радость*, *нежность*: *«А вже до мене самої він* (М. Кривинюк. – Н. П.) *і тоді і потім був таким уважним, що коли б хотіти віддати міроюза міру, то, певне б, знов математика зрадила б – може, ти вже якось відплатиш за мене...»* (до О. Косач (сестри), 9 червня 1901 р., Кимполунг) [7, 235–236].

Незаконченную мысль, открытость синтаксической структуры дополняет пунктуационный знак, скрывает множественность и неисчерпаемость воспоминаний, предварительно актуализированных редупликацией «багато-багато»: *«В сю хвилину море синє, аж фіолетове, небо зовсім весняне, хмарки білі, пушисті, а сніг видно тільки на верхівлях Яйли. Вчора ввечері по вулицях так бриніли потоки, що мені зовсім згадався Київ у марті, і наш quartier Latin* (Латинський квартал (франц.). – Ред.), *і багато-багато aus Vorzeit...* (З минулого (нім.). – Ред.)*»* (до О. Косач (матері), 2 лютого 1898 р., Ялта) [7, 15].

Среди отрицательных эмоций, актуализированных посредством многоточия, наиболее распространены – *тоска*, *печаль*, *волнение*. Заметим, что декодированию определенного эмоционального состояния адресантки в пределах микроконтекста служат в значительной мере сами эпистолярные тексты, эксплицируя соответствующие лексемы для их обозначения, например: *тоска* – эмоциональное состояние индивида, в котором он целиком сосредоточен на своём несчастье, удаляется от людей и стыдится их. К типичным предпосылкам появления этой эмоции в письмах Леси Украинки относятся: 1) потеря близких ей людей (*«Друже мій, туга така тяжка, а як подумаю, що, може, років за два я не кожну хвилину буду думати про нього, то ще тяжче стане...»* (до М. Павлика, 3 серпня 1895 р., Владая) [8, 313]); 2) отсутствие возможности видеться с дорогими для нее людьми (*«Вже довше чи коротше, а хтось таки все якесь слово знайде, бо любить когось і хоче з кимсь говорити. Комусь так жаль, так жаль, що когось у Львові не бачив... Нам би таки треба, та й треба, та й ще треба побачитись»* (до О. Кобилянської, 14 листопада 1902 р., Сан-Ремо) [7, 371]).

Эмоциональное состояние *печали* обусловлено следующими факторами: 1) пропажей письма (*«Оце тільки що отримала Вашого листа і зараз одпишу, щоб не задавнилось. Я Вам відповідала на Ваш різдвяний лист, та, видно, мій лист пропав – се таки часом буває...»* (до Л. Драгоманової, 7, 8 квітня 1898 р., Ялта) [7, 34]); 2) нарушением запланированного ритма жизни (*«Коли часом в переписці була задержка, то се походило або з поганих обставин, або з ліношів, теж чисто патологічних: часом, Ви, може, і самі се знаєте, нападає якась така апатія, що і перо в руки взяти противно, і власні думки дурними здаються. З сим, запевне, слід боротись, та не завжди людина се вміє. Тепер, я думаю, така апатія не повинна б чіплятись до мене: здоров'я моє краще, робота єсть, а коли не все іде так, як мені хочеться, то я вже до того звикла...»* (до Л. Драгоманової, 27 вересня 1898 р., Київ) [7, 67]); 3) сравнением ее стихов с маминими (*«Одно тільки, мушу признатись, трохи неприємно вразило мене – се, власне, паралелі між моїми і маминими віршами, се поставило мене в фальшиве положення... Ну, та не мені говорити про критику про мене ж таки. Хоч трошки завчасне, але вже при сій «оказії» повіншую Вас з юбілеєм, шкода тільки, що не можу тепер відповідного стилю добрати, бо дуже спішуся»* (до І. Франка, 21 жовтня 1898 р., Київ) [7, 74]); 4) отъездом матери (*«я боюсь, що тепер мені ще сумніш буде, бо мамин приїзд був для мене як та блискавка, що контрастом світла ще зміцнює темряву дощової*

ночі...» (до О. Косач (сестри), 22 січня, 1898 р., Ялта) [7, 12]); 5) отсутствием денег и нежеланием продолжать этот тематический вектор в эпистолярном диалоге (*«Се страшна біда. І знов тії гроші!.. Тільки тут уже 150 р. мало. І діло йде не про таку чи іншу перспективу життя, а просто про само життя... Коли я думаю про се, такий мене смуток огортає, що й робота, й життя, і все стає немило... Ну, та годі, досить з тебе й так злиднів»* (до О. Косач (сестри), 17 жовтня 1900 р., Київ) [7, 187]); 6) сочувствием профессионально одаренным, талантливым людям, которые не смогли проявить себя (*«не маючи, яко молодий лікар, між своїми знайомими столичних і губернських «світачів», сидить без роботи – ergo, і без гонорару. Ся річ, впрочім, більш залежить від Мойри, ніж від людей...»* (до О. Косач (матері), 12 березня 1898 р., Ялта) [7, 27]; 7) длительным пребыванием за пределами дома (*«Що сказати про зостування тут до июня, та ще й з гідропатією? Дорого се буде, я думаю, дуже, та й давно вже я дома не була...»* (до О. Косач (матері), 22 березня 1898 р., Ялта) [7, 29]; 8) долгой разлукой с родными (*«Я там запрошена в одно близьке село в госте, отже, там побуду, може, щодо Вижниці одвинусь (то недалеко і там має бути дуже гарно). У всякім разі значно не забарюсь, але, може, на тиждень проти визначеного. Вже хочеться до вас, годі блукати...»* (до О. Косач (сестри), 26 червня 1901 р., Кимполунг) [7, 244]); 9) затянувшейся дождливой погодой (*«Се робиться смішно, що я вже в третьому, а може, і четвертому листі споминаю про дощ, але ж недаром кажуть triste comte une journee de pluie dans les montagnes* (Сумно, як дощовий день у горах (франц.). – Ред.)*, а подумай же, що я оце маю четвертий такий день зряду... горе, горе, que misere...* (Яке нещастя... (франц.). – Ред.)*»* (до А. Драгоманової, 7 червня 1901 р., Кимполунг) [7, 231]); 10) произведениями некоторых писателей (*«Вертаю до літератури… і не знаю, чи до речі тут згадувати про «декадентську» повість Лев[ицького], бо то, властиве, не література. Дивно, як-то тепер дехто думає, що тільки треба написати «по-декадентському», то вже се дає право які хочеш дурниці писати. Ліпше б дав собі спокій Лев[ицький] з «новими напрямами» чи там з сатирами на них, бо то зовсім не його діло, досить на нього глянути, щоб зважити, що йому вже до «модерни» ліпше ні сяк ні так не братися...»* (до О. Кобилянської, 26 грудня 1900 р., 2 січня 1901 р., Київ) [7, 200]).

Среди эмоций можем выделить отдельную группу – *эмоций-оценок*, которые могут проектироваться: 1) на кого-то – *автооценка*; 2) на себя – *самооценка*. Установлено, что самооценки касаются в основном: 1) некоторых особенностей характера, поведения Леси Украинки (*«І взагалі її життя ліпше складається, ніж Оксанине, бо у неї є талан знаходити собі товаришів, а в Оксани його нема. До того ж Оксана нездорова нервами, я в тім певна, бо в неї ненатурально пригнічений настрій... Ох, та всіх нас ненатурально пригнітили «с детства»!.. Треба думати, що інакше не могли...»* (до О. Косач (сестри), 5 березня 1902 р., Сан-Ремо) [7, 328]); 2) ее трудоспособности (*«Про себе спеціально не маю що багато писати. Я значно «склеїлась», нападів нема (було в Чернівцях тільки два, і то з виключних причин), тільки часом трошки обридає кашель, що почався у мене ще в Мінську (М[ихайло] В[асильович] не раз мене збирався бити за се!), та по ночах часом буває якийсь status febrilis з дуже важкими снами, але то пусте, бо жадних лихих наслідків з того нема. Лінуюся страшенно і справді не знаю, «куди я йду» з такою лінню...»* (до О. Косач (сестри), 9 червня 1901 р., Кимполунг) [7, 237]); 3) эмоционального (*«У мене єсть якась аномалія: коли я почуваюся нещасною, я не можу бачити спокійно нещастя інших людей, ну, а я тепер досить нещасна...»* (до О. Косач (сестри), 31 жовтня 1900 р., Київ) [7, 189]) и 4) физического состояния («*Ви ж не гніваєтесь, що я часом пишу на картках і лаконічно. Я нічогісінько проти того не маю: Вашого часу і шкода на часті та довгі листи до таких людей, як я тепер, – я, зрештою, тепер не людина, а ростина...»* (до М. Павлика, 29 січня 1902 р., Сан-Ремо) [7, 317]).

Функционально все паузы в эпистолярных текстах также разнотипны. Изо всех возможных и традиционно реализируемых в других (функционально отличающихся) текстах в письмах Леси Украинки актуализированы в основном следующие функции: 1) *медитативная*; 2) *риторическая*; 3) *терминационная*; 4) *эмотивная*.

Зафиксировано, что позиционно *многоточие* употребляется наиболее часто в средине предложения (отображая сильное эмоциональное волнение) и в конце предложения, абзаца или всего текста (указывает на нежелание продолжать начатый разговор или оставить недосказанность). Таким образом многоточие чаще всего используется как инструмент семантического и стилистического упорядочения эпистолярного текста.

Восклицательный знак, по сравнению с ним, оказался более семантически весомым, хотя, на первый взгляд, наличие таких пунктуационных знаков кажется факультативным и немотивированным контекстуально. В письмах Леси Украинки, кроме единичного употребления, зафиксирована даже редупликация этого знака для усиления важности определенных слов или фрагментов текста, чаще всего – в этикетных ситуациях, например: 1) *просьбы* (*«Ще раз бувай здорова! От іще що: чого ти хочеш тримать екзамен в сент[ябрі], де ти візьмеш час на підготовку? їй-богу, не заморюйся даремне!! Фотя тобі кланяється»* (до О. Косач (сестри), 20, 24 серпня 1898 р., Гадяч) [7, с. 63]), 2) *поздравления* (*«Ну, годі, ще до другого разу. Цілую тебе з обома мечками. Обізвись, «не пам'ятаючи зла». Бувай здорова. Твоя Леся. А! З Новим роком!!»* (до Л. Драгоманової-Шишманової, 4 січня 1902 р., Сан-Ремо) [7, с. 308]), 3) *прощания* (*«Наші всі здорові, збираються писать тобі. Мами ще нема, буде в Гадячі ще тижнів два. Цілую тебе міцно, міцно, міцно!!»* (до О. Косач (сестри), 28 жовтня 1901 р., Київ) [7, с. 289]).

Установлено, что единичный восклицательный знак в роли вводного элемента чаще всего используется как стилистический прием контраста: *«Я тепер буду писать не довго, бо треба збиратися їхать гулять: я надіну свою нову, вчора куплену, чорну накидку і червону шляпу з чорною лентою, сяду в «одкидную карету» і поїду «во всю прыть тихими шагами», на тих конях, що так чудово копитами клапають»* (до І. Косач, 18 травня 1899 р., Берлін) [7, с. 108], как видим цвет одежды существенно контрастирует с эмоциональным настроением адресантки. Цветозначения *«чорне»* и *«червоне»* в этом микроконтексте воспринимаются как антонимические. Иногда появление восклицательного знака функционально является коментарием определенной информации адресанта относительно собственной информации (*«З їдою справа трудна, бо їсти Сергій Костянтинович не все і не завжди може, ще восени міг все їсти, а тепер і сей апарат розстроєний. Дякуючи колосальним дозам хіни (24 грама в день), при тому ж антифібрину та іншим понижаючим, жар на 2–3 десятих зменшився (тільки (!) 39°), але упадок сили зате збільшився, так що навіть часом підвестися немає енергії»* (до О. П. та П. Косачів, 28 січня 1901 р., Мінськ) [7, 203]). Для подчеркивания важности определенных признаков или событий Леся Украинка использует восклицательные знаки в основном в составе вводных единиц, в состав которых чаще всего входят отдельные лексемы-квалификаторы, но возможно также использование этого пунктуационного знака как самостоятельного вводного элемента, например: *«Всі кажуть, що хтось навіть сам се почуває, – став сильніший, червоніший (ще!!)* (выделения в тексте мои. – Н. П.) *і кашляє менше, але ще таки не зовсім кашель минув і напади раптового безсилля ще бувають, і в руки часом пече, але все то в меншій мірі»* (до О. Кобилянської, 1 серпня 1901 р., Буркут) [7, 263].

Иронический характер текста создается с помощью

синтактико-стилистического приема (вводные единицы). Восклицательные знаки в вводных конструкциях усиливают присущий иронический характер текста: *«Вона* (П. Нестроєва. – Н. П.) *все жалує, що «Людмилочки» нема тут при ній, – мало вона ще тую Людмилочку в Києві морила шуканням квартир і т. п., то ще б тут недоставало. Ти, може, скажеш, що я до неї несправедлива, але я зостаюсь при особій думці. Приїхала п. Нестроєва сюди з компаньйонкою і з котом (!!), скучає і жалує, чом не поїхала на Кавказ, однак здоров'я її тут ліпше»* (до Л. Драгоманової-Шишманової, 4 січня 1902 р., Сан-Ремо) [7, 308].

Традиционно восклицательный знак, как известно, указывает на максимальное проявление определенных эмоций и чувств. Использование этого пунктуационного знака Лесей Украинкой, как авторского, определено прежде всего количественными параметрами. Леся Украинка чаще использует его не как единичный знак, а как повторяемый, редуплицированный, а также – в роли триплекса (три восклицательных знака), чтобы подчеркнуть: 1) важность события *(«Нема часу, нема часу», а сама просторікую безконечно, дарма що весь стіл завалений, нігде курці клюнути, ще не переглянутими (!!!) книжками і що на цілковите написання статті маю тільки три тижні перед собою!»* (до О. Косач (сестри), 17 жовтня 1900 р., Київ) [7, 188]); 2) передать радость, мотивированную поступками родных («*Був недавно Агапов, казав, що наші уманці всі здорові і що – Тося покинув курить!!!»* (до О. Косач (сестри), 21 жовтня 1899 р., Київ) [7, 147]); 3) актуализировать элементы самохарактеристики (*«Тут іще біда – від якоїсь не відомої мені причини мій почерк ще гірше, ніж був, зробився!!!»* (до М. Косача, 30 травня 1890 р., Колодяжне) [8, 60]).

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Как видим, многоточие и восклицательный знак в письмах Леси Украинки довольно часто используются как авторские пунктуационные знаки с преобладанием семантико-стилистической функции. Центральное место принадлежит использованию этих средств в качестве дифференциации *важной*/*несущественной* информации и выражению определенных эмоциональных состояний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коцюбинська М. Листи і люди: роздуми про епістолярну творчість. К.: Дух і Літера, 2009. 584 с.
2. Кузьменко В. І. Письменницький епістолярій в українському літературному процесі 20–50-х років ХХ ст.: автореф. дис. ... док. філол. наук: 10.01.01. К., 1999. 34 с.
3. Мазоха Г. С. Жанрово-стильові модифікації українського письменницького епістолярію другої половини ХХ століття: автореф. дис. ... док. філол. наук: 10.01.01. К., 2007. 38 с.
4. Братаніч О. В. Лінгвостилістика епістолярію Г. П. Кочура (на матеріалі листування 60-80-х рр. ХХ століття): автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01. К., 2004. 20 с.
5. Вєтрова Е. С. Семантика і функціонально-комунікативний аспект етикетних одиниць в епістолярній спадщині українських письменників XIX ст.: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01. Донецьк, 2004. 18 с.
6. Каленова Н. А. О проблемах и перспективах исследования частного письма в современной лингвистике // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2013. №1. С. 80-87.
7. Українка Леся. Зібрання творів: у 12 т. Т. 11. К.: Наук. думка, 1978. 480 с.
8. Українка Леся. Зібрання творів: у 12 т. Т. 10. К.: Наук. думка, 1978. 542 с.

SEMANTICS OF DOTS AND EXCLAMATION MARK IN LESIA UKRAINKA'S EPISTOLARY TEXTS

© 2014
N.S. Prykhodko, senior laboratory assistant of «History and Culture of Ukrainian Language»
Lesya Ukrainka Eastern European National University, Lutsk (Ukraine)

Annotation: The article defines the peculiarities of using dots and exclamation mark in common contexts and in Lesia Ukrainka's letters; individual author features of these punctuation marks are determined; the typical contexts of their functioning are analyzed.

Keywords: epistolary, letter, dots, exclamation mark, epistolary text, Lesia Ukrainka.

УДК 396.9

ВКЛАД ЖЕНСКОГО АКТИВА ТАССР В ОРГАНИЗАЦИИ ПОМОЩИ ФРОНТУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

© 2014
Л.Р. Шафигуллина, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-политических дисциплин
Институт экономики, управления и права, Казань (Россия)

Аннотация: В статье рассматривается практика деятельности женсоветов ТАССР в годы Великой Отечественной войны. Актив женщин обеспечил стабильность тыла и организацию помощи фронту в годы войны в ТАССР, что в свою очередь привело к коренному изменению положения и роли женщин во всех областях жизни советского общества.

Ключевые слова: женщины, женские отделы, женсоветы, Великая Отечественная война.

Великая Отечественная война занимает одно из ключевых мест в истории России XX века. Каждый переживший военные годы стал свидетелем не только громкой победы, но и тяжелейших условий жизни в тылу. В условиях значительного оттока мужчин в ряды РККА ответственность за укрепление народного хозяйства и морального духа населения, проявление заботы о подрастающем поколении и помощь фронту легла на женщин. В годы войны женщина стала активной участницей выполнения государственных задач.

Вопрос о роли женщины в войне 1941-1945 гг. давно привлекает внимание историков. В работе Н.А.Вознесенского впервые в научной литературе языком цифр и фактов показан большой вклад женщин в развитие различных отраслей военной экономики нашей страны. В книге Н.Д.Араловец глубоко исследуется труд женщин в промышленности, их вклад в обеспечение фронта всем необходимым для победы над врагом. В историографии Республики Татарстан авторы, не выделяя отдельно «женских» проблем, отмечают активное участие, и большой вклад женщин Татарстана в решение задач военного времени. Монография А.Ш.Кабировой [1] - попытка создания многопланового обобщающего исследования, в котором на широкой источниковой базе, с привлечением новых документов и материалов, с учетом новых подходов к теме автор раскрывает ме-